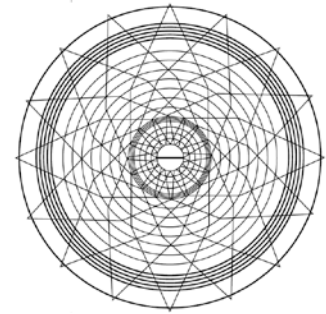

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

В 2017 году исполнилось 80 лет Валерию Андреевичу Мансурову, Президенту Российского общества социологов, почетному доктору наук Института социологии Российской академии наук, одному из патриархов социологии массовой коммуникации в нашей стране. Начиная с середины 1960-х годов, Валерий Андреевич провел большое число исследований, так или иначе связанных с данной проблематикой, защитил одну из первых в СССР кандидатских диссертаций по проблемам массовой коммуникации и продолжает активно работать. Впрочем, круг его научных интересов шире, и список его работ включает в себя также публикации по ряду других направлений социологии.

Редакция журнала "Коммуникации. Медиа. Дизайн" поздравляет юбиляра и желает ему крепкого здоровья и новых творческих достижений! Наш корреспондент Ю.А.Черненко встретилась с Валерием Андреевичем Мансуровым и побеседовала с ним.

20 октября 2017г.

ИНТЕРВЬЮ С МАНСУРОВЫМ ВАЛЕРИЕМ АНДРЕЕВИЧЕМ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СОЦИОЛОГОВ

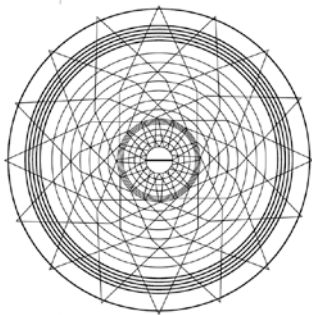
Интервьюер: Юлия Черненко

Ответственный секретарь редакции научного журнала
«Коммуникации. Медиа. Дизайн»

juchernenko@hse.ru

Черненко: Валерий Андреевич, в первую очередь мы хотели бы поблагодарить Вас за согласие с нами сегодня побеседовать, за то, что уделите нам время. И сегодня мы поговорим немножко об истории, прошлом социологической науки, о ее настоящем и будущем. Начну издаю. Вы доктор философских наук и начинали свой путь, насколько я знаю, с кафедры марксистско-ленинской философии и научного коммунизма Кировского политехнического института. Сейчас это Вятский государственный университет. И мой первый вопрос, конечно, о том, как Вы заинтересовались социологией и вопросами методологии социологических исследований.

Мансуров: Прежде всего, кафедра называлась «Основы марксизма-ленинизма». Институт был технический, поэтому все общественники были на этой одной общей кафедре. Ну, как заинтересовался. Тогда уже выходили из печати различные работы интересные, и я там наткнулся на одно издание – брошюру

[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

такую тоненькую об американской социологии Галины Михайловны Андреевой¹. Она тогда была доцентом на кафедре истмата² философского факультета в МГУ. И в этой брошюрочке очень кратко, но очень понятно было рассказано, что такое социология, каковы ее возможности, какие методы она использует. И все это было очень интересно. А я до этого технического университета проработал уже несколько лет заведующим отделом пропаганды Кировского обкома комсомола³. Мы много ездили, постоянно беседовали с людьми. Практически все это время я работал как интервьюер, как я тогда уже сразу понял. Мы работали с молодежью, собирали информацию о том, что происходит, как различные ее группы себя чувствуют, какие у нее проблемы, что ее волнует, чего бы она хотела. Поэтому я практически сразу понял, что на самом деле работаю как социолог, и меня это очень привлекло. И я подумал, что, работая на кафедре, можно поступить в аспирантуру, что потом и сделал. Для меня это было абсолютно новым направлением научной работы. Конечно, я не думал, что буду каким-то доктором, профессором. Но, конечно, хотелось закончить аспирантуру, кандидатскую диссертацию защитить. Думал, что вернусь обратно и буду работать, рассказывать о том, что такое социология и, может быть, преподавать какие-то ее разделы в системе философских наук.

Исторический материализм очень близок к социологии. Это по сути теоретическая часть социологии – социальная философия. Поэтому здесь все было в комплексе. И практическая наработка у меня уже была, я даже проводил опросы. Срок командировки у меня был ограниченный, и я понимал, что не смогу со всеми интересующими меня людьми встретиться и поговорить. Поэтому я делал такие маленькие анкеты, размножал их на ротапринтере и раздавал. Я не знал, что это называется социологический опрос, что такое интервьюирование и т.д. Вот так столкнулись практические интересы и интерес к собственному развитию, мне хотелось найти свой путь.

После обкома комсомола у меня были разные предложения: можно было остаться функционером, перейти в партийную систему, в профсоюзы. Но я решил, что лучше пойти в ВУЗ, преподавать и заниматься наукой. А Галина Михайловна Андреева потом стала моим научным руководителем – руководила моей работой над диссертацией. Ей понравилось то, что я владел иностранными языками. Я заканчивал факультет иностранных языков. Первый, основной язык у меня был английский, второй – немецкий, третий – французский. Она сказала: «Посмотрим, насколько хорошо Вы знаете язык. Если, например, 5 книжечек положить на стол, как долго Вы с ними будете работать для того, чтобы сделать

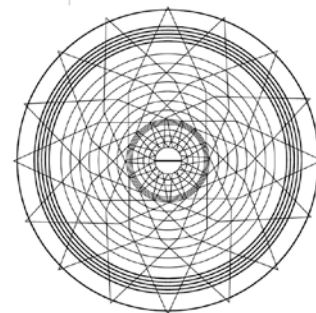
¹ Андреева Г.М. Буржуазная социология в поисках теории. Москва: Знание, 1966. - Ред.

² Истмат - исторический материализм, одна из дисциплин марксистско-ленинской теории, изучавшаяся в обязательном порядке во всех вузах в советское время. По сути, истмат - это марксистская версия социальной философии, где происхождение и развитие общества объясняется материалистическими причинами. - Ред.

³ Обком комсомола - областной комитет Коммунистического союза молодежи. - Ред.

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

реферат?». Я сказал, что уже сидел сегодня в Ленинской библиотеке. У меня было 30 книжечек, и я за день их все просмотрел. Она сказала: «Ну, тогда пишите вступительный реферат, и будем работать». Вот так я пришел на первый этап обучения социологии.

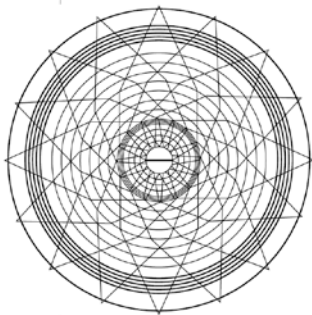
Черненко: *И в аспирантуре Вы выбрали темой своей кандидатской диссертации как раз проблемы и методы исследования средств массовой коммуникации в США? Вы можете рассказать подробнее об этой работе.*

Мансуров: Да, во-первых, я выбрал ее до аспирантуры, потому что уже писал вступительный реферат по этой теме. Я уже тогда, как я сейчас это понимаю, был на достаточно высоком уровне по сравнению со всеми остальными. Другие английского языка не знали, а я проработал уже очень большой объем англоязычной литературы – в основном американской, конечно. Поэтому меня так привлек симпозиум «Памяти Уилбура Шрамма», который организует журнал "Коммуникации. Медиа. Дизайн"⁴. Шрамм для меня – это был исследователь, с работами которого я очень серьезно ознакомился, поскольку они касались пропаганды и методики изучения телевизионной аудитории. То есть он работал как исследователь. Мне все это было очень интересно, и я все время думал о том, как это практически потом можно было бы приложить.

В аспирантуре были хорошие условия для работы – в МГУ великолепные библиотеки. В то время, правда, не было нынешних технических информационных средств, но традиционные были все. Значительная часть шраммовских работ была с так называемым "шестигранником", все это в спецхраны уходило, так как там речь шла о том, как организовывать пропаганду⁵. Ведь он тогда работал на буржуазную пропаганду, в то время считавшуюся враждебной. Но у меня был допуск, я мог работать в закрытых отделах. С очень многим из того, о чем там говорилось, я уже на практике был знаком. Я просто не знал, как это называется, откуда это пошло. Приходилось очень много писать в газеты, выступать по телевидению, постоянно встречаться с людьми. Встречаться не просто так «выпил, закусил», а для того, чтобы что-то внедрить в сознание, какие-то знания туда привнести, каким-то образом повернуть их туда, куда необходимо. Я работал практически как пропагандист. Я еще в институте начал работать пропагандистом в комсомольской сети политпросвещения. Была тогда такая система. Это тоже был интересный опыт. Я работал и на швейных предприятиях, где молодежную аудиторию составляли одни девушки, и в типографии, где был рабочий класс. И я, сам того не зная, использовал тогда в работе социально-психологические механизмы.

⁴ Отчет о Международном симпозиуме по истории исследований сферы коммуникации "Памяти Уилбура Шрамма" будет представлен в следующем номере журнала. - Ред.

⁵ В годы, о которых идет речь, в СССР вся зарубежная литература по проблемам пропаганды была доступна только узкому кругу специалистов. Она маркировалась особым знаком, имевшим форму шестигранника, и находилась в т.н. "спецхранах" - специальных закрытых отделах крупных библиотек, доступ к которым давался по особому разрешению. - Ред.

[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

Использовал ссылки на авторитеты, личный контакт, выстраивал отношения аудитории к себе как к своему человеку, которому можно доверять. Это же все оттуда, из практики пришло. А на самом деле это уже было все изучено, описано, выстроено, систематизировано, что как раз меня очень и привлекало. Я с большим интересом работал во время аспирантуры. Система работы была такая: встал, позавтракал, сел в автобус, который прямо шел до центра, из автобуса в библиотеку имени Ленина, где уже ждала заказанная накануне литература. Целый день работаю в библиотеке с перекусом, потом обратно, ужин и спать. И так в течение двух с половиной лет. Диссертация писалась, я бы так хотел сказать, нормально. Потому что это было интересно. Кроме всего прочего, интерес проявлялся и на кафедре, очень хорошо работали с аспирантами. Аспирантов заслушивали регулярно на заседаниях кафедры по поводу того, кто что сделал. Дальше мы начали писать статьи, стали публиковаться. Поэтому все прошло хорошо, защита прошла досрочно. Я только потом понял, что не надо было этого делать, досрочно защищаться, потому что я потерял несколько месяцев нормальной научной работы. Мог бы свободно еще до ноября пробывать в статусе аспиранта. Но все-таки я был не "зеленый", не сразу после учебы поступил в аспирантуру, а уже после работы довольно серьезной. Поэтому решил, что нужно возвращаться. Диссертацию защитил, целевую аспирантуру закончил, решил вернуться обратно в Киров. Продолжал работать потом некоторое время там.

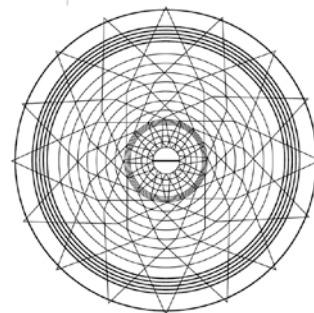
Почему и как я попал сюда, в Москву? Тоже интересная история. Потому что когда я был в аспирантуре, мы были довольно активными. Это же пропаганда, это то, что нужно было и комсомолу в то время, и партии⁶. Я участвовал во многих симпозиумах, где обсуждалось, как повысить эффективность пропаганды, какие для этого есть возможности в каких-то пропагандистских буржуазных наработках. Меня заметили, ЦК комсомола стал привлекать меня к командировкам, к подготовкам вопросов, секретариат ЦК комсомола заслушивал эти вопросы. Я побывал и в республиках СССР, и в Питере. В Питере мы рассматривали вопрос о том, как там формируется социология молодежи. Там как раз работал Анатолий Георгиевич Харчев. Он очень активно занимался социологией молодежи. ЦК комсомола был заинтересован в развитии этой отраслевой науки, да и социологии в целом. Нас туда поехало пять человек. Там же я познакомился с Владимиром Александровичем Ядовым. Он тогда еще, кажется, даже не защитился, но был уже на выходе. В Питере он был уже известен. Если не ошибаюсь, он работал там первым секретарем Василеостровского райкома комсомола, а это была очень серьезная должность. Мы там пару раз встречались, причем в неформальной обстановке. Выяснилось,

---

⁶ Здесь и далее в интервью слово "партия" употребляется в смысле "Коммунистическая партия СССР" (сокращенно КПСС).

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

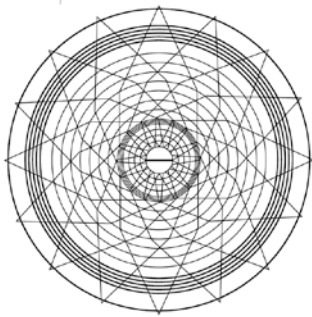
что у нас с ним много общего. Он тоже занимался исследованиями пропаганды⁷. Мы даже обратили внимание на то, что у нас список литературы, по которому мы работали, практически идентичен. Он над теми же источниками работал, что и я. Второй раз он приезжал, когда я уже был в аспирантуре. В МГУ на философском факультете с третьего курса одна группа стала специализироваться по социологии, когда еще не было такой кафедры. И тогда для этой группы Галина Михайловна Андреева приглашала лекторов, специалистов по каким-то направлениям. Их в то время было не так много. Например, по социологии права она приглашала Владимира Николаевича Кудрявцева, который потом был вице-президентом Российской академии наук. А тогда он был всего лишь кандидатом юридических наук, но занимался социологией права. Чуть ли не единственным был тогда в стране. Он выступал с несколькими лекциями. Игорь Семенович Кон приглашался по социологии молодежи, по социологии личности. Великолепный тоже лектор. Ядов тоже приезжал, и я там выступал в качестве дискуссионта. Он читал лекцию, а я потом задавал вопросы, делал комментарии. Ему это понравилось. Но он даже был немного обижен, потому что я сказал, что есть моменты, о которых он не упомянул, и это все тоже очень интересно, потому что я ту же литературу читал, знал, что там было. И там еще много людей приезжало, которые из-за уважения к Галине Михайловне не отказывались никогда. А для студентов это, конечно, было великое благо. Они буквально из первоисточников, от людей, которые чуть ли не в единственном числе представляли какую-то отрасль социологического знания, получали информацию. И все аспиранты присутствовали на этих лекциях – нам это тоже было очень интересно. Таким образом мы и обучались. Вся эта обстановка, аура способствовали развитию молодых людей в то время, и это было очень здорово.

Черненко: Это как раз подводит к моему следующему вопросу, который заключается в том, что на этот период и время начала Вашей активной научной деятельности пришелся рассвет постсталинской социологии. И можете ли Вы рассказать, как ощущалась эта разница? Что было, что стало? Что можно назвать характерными признаками той эпохи. И кого можно назвать героями-первопроходцами? Вы некоторых уже назвали, может быть, есть кто-то еще?

Мансуров: Я практически всех назвал. Там еще был Борис Андреевич Грушин, который мне вместе с Галиной Михайловной давал мне рекомендацию для вступления в Советскую социологическую ассоциацию – она уже функционировала тогда. А Института социологии еще и в помине не было. Был отдел в Институте философии, который еще не назывался социологическим. Его

---

⁷ См., напр.: Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961; Ядов В.А. Тайна лжи : Заметки о теории и методах буржуазной пропаганды. Москва: Госполитиздат, 1963; Методы и службы отдела изучения аудитории Би-Би-Си / Науч. ред. В.А. Ядов. Москва: Искусство, 1968 и др. - Ред.

[Интервью]

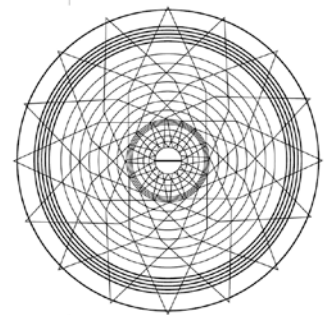
*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

возглавлял Геннадий Васильевич Осипов. А вот ассоциацию уже создали, так как отдел науки ЦК партии обратил внимание на то, что у нас некому представлять нашу науку, наши интересы, нашу идеологию, прежде всего, конечно же, на всемирных социологических конгрессах, которые уже проходили тогда. На тот момент прошли уже три таких форума, и вот перед IV Всемирным социологическим конгрессом была создана Советская социологическая ассоциация, которая стала членом Международной социологической ассоциации. То есть она на десять лет старше нашего отраслевого института. Я всегда шучу по этому поводу с многочисленными директорами, которые прошли перед глазами здесь у нас в Институте. Я почти тридцать лет был заместителем директора. Директоров было много, я был один. Это было все очень интересно. В то время шли очень серьезные споры, потому что социология подвергалась жесткой критике многими представителями марксистской философии, прежде всего научного коммунизма, да и исторического материализма тоже. Социология не признавалась в качестве науки, потому что говорили: что это за наука, которая только методика? А где у вас теория там? Без теоретического уровня науки нет. И первопроходцев, как Вы их называли, было немного, но они были очень активны. Например, Юрий Александрович Левада тот же. Они социологию не то что защищали, а продвигали. Они говорили, что философия – это, конечно, великолепно, она всегда нужна для того, чтобы человек знал, что он представляет в мире, в обществе. А вот общество давайте отдадим социологии. Социология – это наука об обществе. А философия – наука о мышлении, о мировоззрении, о сознании. Этим пусть, пожалуйста, она и занимается. Тогда писались работы о трехуровневой структуре. Выделялся теоретический уровень, потом средний, отраслевой, уровень и методический уровень – методика и техника, который был необходим для эмпирической работы.

Сильной стороной социологии, и это тогда все признавали, был эмпирический уровень. Поэтому она, несмотря на всю критику, стала использоваться. Философы не умели проводить опросы, а мы уже их проводили, мы это умели. И это как раз привлекло и комсомол, и партию, и профсоюзы, которые работали с массой людей. Они увидели эти возможности, поняли, что опросив, например, две тысячи человек, можно получить информацию о мнениях и суждениях практически всего населения страны. А ведь это очень беспокоило и партию. Были там выступления, серьезная критика. И оппозиция внутренняя где-то в глубине всегда существовала. И, что еще очень интересно, КГБ очень был заинтересован в развитии опросов. Некоторые опросы прямо по заказу КГБ проводились. Их, например, очень волновало противодействие буржуазной пропаганде, которая транслировалась через зарубежное радио. Все эти станции – Би-Би-Си, "Голос Америки", "Радио Свобода", из других еще стран радиоголоса. Они понимали, что это размывало единую выстроенную идеологическую систему, могло ее подорвать, хотя это и сложно было сделать. В любом случае,

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

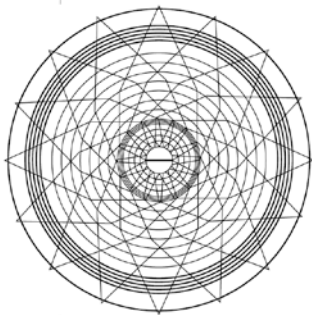
угроза была. Правда, в качестве противодействия были и технические средства, например, таких, как "глушилка"⁸, закрытие части радиоволновых диапазонов, или таких, как выпуск радиоприемников, начиная с длины волны в 21 метр⁹. Но они понимали, что там же еще есть диапазоны 11 м, 12 м, 13 м, 15 м, которые "глушилка" не покрывала. Так идеологическая борьба приводила даже людей, считающих, что социология – это "продажная девка капитализма", к мысли, что она может принести какую-то реальную пользу. Конечно, ко всем этим результатам относились очень подозрительно, так как они очень часто как раз и показывали, что не все так хорошо, что есть другие точки зрения, что они присутствуют у нас в обществе. Хотя всегда во всех докладах говорилось, что советские трудящиеся всецело поддерживают линию партии. Но так не бывает ни в каком обществе, чтобы все одинаково думали. И эти различия выявлялись с помощью, казалось бы, простейших механизмов – нескольких листочков анкеты. Эта эмпирическая ценность и продвигала социологию. В Академии общественных наук при ЦК КПСС проходили по этому поводу жестокие идеологические схватки. Помню одно собрание, где критиковали работу Левады¹⁰. Она вот лежит у меня до сих пор. Она, кажется, переиздана, мы хотели ее переиздать¹¹. В ней Юрий Александрович просто показал, что есть теоретическая социология, описал, по каким направлениям и что именно она делает. И таким образом в какой-то степени отобрал хлеб у истмата. Поэтому кафедра исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС выступила жестко против. Они Леваду сравнивали с землей. Тогда один Грушин выступил в его защиту. Он сказал, что они еще вспомнят об этом собрании и поймут, что были неправы. Я думаю, эти люди уже давно это поняли. Социология доказала свое право на существование и на свое место среди других наук. Более того, без социологии сейчас практически ни одну проблему в обществе изучать нельзя. Иначе это будет что-то одностороннее, очень ограниченное или абсолютно абстрактное, если этим занимаются философы. Или направленное только на экономику, только на финансы, если этим занимаются экономисты. А ведь везде работают люди. Не просто личности, единицы, а группы, а это уже социально-психологический уровень. Там где несколько людей, там уже группы. А большая социальная группа, это уже, извините, серьезные образования. Они уже действуют в обществе. Их активность, их действия меняют общество! Все это можно исследовать, изучать,

⁸ "Глушилка" - радиопередатчик, который настраивали на частоту вещания нежелательной станции (например, "Радио Свобода"). В эфир шел сильный и резкий неприятный звук, заглушавший станцию, в результате чего слушать ее становилось практически невозможно. - Ред.

⁹ Радиостанции, направленные на СССР из-за рубежа, вещали в диапазоне коротких волн (10-100 м) в границах от 11 до 21 м. В связи с этим в СССР стали выпускать радиоприемники, которые не настраивались на эти волны. Однако было немало радиолюбителей, которые умели расширить диапазон приема, и нередко слушали данные станции. - Ред.

¹⁰ Имеется в виду книга: Левада Ю.А. Лекции по социологии. Москва, 1969.

¹¹ Левада Ю.А. Сочинения / сост. Т.В.Левада. Москва: Карпов Е.В., 2011.

[Интервью]

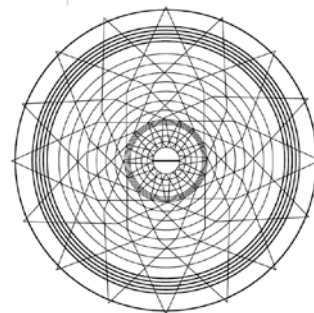
*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

получать по этому поводу систематизированную информацию. И тогда это представляло практический интерес, прежде всего, для отдела пропаганды ЦК КПСС и ЦК комсомола. ЦК комсомола первым создал социологическое подразделение, группу социологических исследований у себя в системе. Её возглавлял Геннадий Терентьевич Журавлев. Мы недавно с ним встречались. Он сюда приезжал, возобновлял свое членство. Он был членом Советской социологической ассоциации и захотел продолжить свое членство и в российской. Был еще Артемий Семенович Кулагин, Владимир Ильич Чупров. Кулагин и Чупров, например, практически так же, как и я, начали с комсомольской работы, а потом пришли в Институт социологии, работали здесь, защитили докторские диссертации. То есть от комсомола очень много пришло в социологию людей. А потом еще, благодаря тому, что я владел английским языком, я стал ездить, меня стали посылать за рубеж. Вот была такая рабочая группа по социологии советско-финская. Это для нас было очень интересно, важно и полезно потому что, выезжая буквально за одну ночь, мы попадали в ситуацию, где перед нами была вся новейшая социологическая периодика. То есть библиотеки университетов Хельсинки, Тампере, Турку – великолепные библиотеки, где не нужно было просить никаких разрешений. Они были открыты для исследователей. Вот там я и продолжил работать со всей этой литературой, но уже с периодической. Это была новейшая информация, новейшие данные. Благодаря этим контактам, конечно, можно было очень хорошо продвигаться вперед, что мы и делали. Мы тогда очень быстро защитили докторские и заняли какое-то определенное место в системе. Правда, все это было не без проблем, потому что я получал, например, пару раз строгие выговоры за то, что я якобы неправильно провел исследование и т.д. Это было смешно, потому что директор, который делал мне эти выговоры, Тимон Васильевич Рябушкин, не был социологом. Он был социальным демографом, членом-корреспондентом АН СССР. И когда он мне сказал, что у меня методика неправильная, я ему тогда ответил, что, может, вы меня проконсультируете, какую методику использовать. Ему это не понравилось, и он мне сделал строгий выговор с занесением. А через три месяца выговор сняли, потому что я результаты исследования послал в отдел пропаганды ЦК партии и получил оттуда благодарность. Ситуация тогда получилась очень интересная. Может быть, Вы слышали, у нас был пожар в гостинице "Россия" на верхних этажах. Это было моментально подхвачено всеми западными СМИ. Они стали говорить, что туда нельзя ездить. Мы как раз тогда готовились к мероприятию, по-моему, к Олимпиаде, был 1980-й год. И вот, чтобы дискредитировать, говорили, что нельзя там размещаться на верхних этажах, что там нет техники, которая помогает тушить пожары с девятого этажа и выше. Был резонанс и в стране, хотя эту информацию пытались приглушить. Но люди звонили и спрашивали. Тогда наш заведующий уехал в командировку, меня оставил вместо себя, и я, будучи и.о. заведующего отдела, провел исследование с помощью латентного интервью – методики, которая никем в то время в

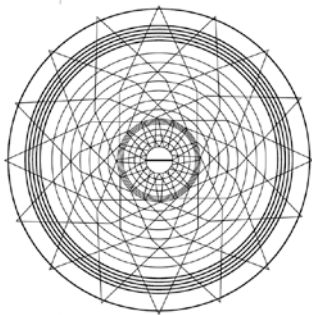
[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

социологии вообще не использовалась. Латентное интервью – это скрытое интервью. Это когда интервьюируемый не знает, что его интервьюируют. Мы этим занимались в метро, среди своих знакомых, членов семьи. Методику разработали сами, так как это была тонкая работа. Мы очень интересную информацию тогда собрали, оформили ее в качестве аналитической записки. Но все записки по этому поводу были секретные. Отправили в отдел пропаганды, ведь, понятно, они были пользователями. Отдел науки сделал выговор директору Института за то, что, как это так, провели какое-то исследование, а мы ничего не знаем. А отдел пропаганды попросил выговор снять. Забавно было, конечно (*смеется*). Задачи были разные, а структура одна. Или был такой случай – бригада социологов по звонку из отдела пропаганды ЦК партии вылетает в Красноярск, чтобы провести там исследование. Возглавлял её Владимир Савельевич Комаровский, он заведовал сектором так же, как и я, в этом отделе закрытом, как тогда говорилось. Они провели это исследование, и накануне обратного вылета у них потребовали все анкеты. И сказали им, что анкеты не отдадут. Ну, люди же были необразованные в социологии. Он не знали, что все данные из этих анкет, а там была тысяча с лишним анкет, огромный такой массив, уже были перенесены. У нас была своя система кодировки. У нас с обратной стороны каждой анкеты была страничка, на которой стояли только одни цифры. И вот все данные переносились на эту страничку. Там ставилась определенная цифра, и это означало, что это был какой-то ответ на какой-то вопрос. Они об этом, конечно, не знали. Поэтому Комаровский дал указание, и в течение ночи люди быстро последние страницы все оторвали, массив оставили в архиве, а эти последние странички, которых там было не так много, рассовали по своим карманам и вывезли информацию.

Или приезжаешь с готовым документом, например, и с ним нужно идти к секретарю по идеологии обкома. Приходишь к нему, даешь ему эту анкету, которую надо на месте размножить, а у него возникают вопросы: а зачем это западное радио, у нас же его никто не слушает. Так давайте узнаем, слушают или нет. - А зачем это вам? - Как зачем, вы же понимаете, что у нас идеологическая борьба идет. Нам же интересно знать, что они пытаются внедрить в сознание наших людей. И нам важно знать, что остается в этом сознании, насколько эффективно они работают, как противостоять потом можно, систему какую-то выработать. Это же вам в помощь. Ну, кого-то удавалось убедить, а кто-то говорил, что нет, эти вопросы надо снимать. Соглашались заменить. У меня был уже обходной путь – мы разделяли этот вопрос на несколько, делали их менее, так сказать, бросающимися в глаза. То есть нам приходилось работать с методикой, учитывая не только требования, как строить сам опрос, какой порядок вопросов, какой формат вопросов, а еще вот эти идеологические моменты, Идеология помогала в том, что всегда можно было сказать, зачем это делается, почему и как это важно. Она и мешала, потому что они боялись, что какие-то вещи не соответствуют идеологии. Социология очень часто попадала в такую ситуацию, когда говорили, что результаты

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

неправильные. Что значит неправильные? У вас, наверное, методика была неправильная. Чаще всего нас упрекали в том, что мы использовали неверные формулировки вопросов. Провокационные вопросы задавали. Так вся социология, если говорить на эмпирическом уровне, это в какой-то степени провокация. Мы заставляем человека думать о том, что нам важно у него узнать. Мы просим его ответить на вопросы по поводу того, что нам интересно. Мы все время его провоцируем на действия, которые для него несвойственны. Но люди откликались очень здорово. Люди обижались, если мы кого-то опрашивали, а они не попадали в список опрашиваемых. Тоже были забавные ситуации, когда в университете была случайная выборка, там попадало сколько-то человек. Мы опрашиваем, ребята выходят и рассказывают. Это же было новое дело, всем интересно, и к нам приходили петиции прямо в гостиницу: мы тоже хотим, чтобы в нашей группе прошел опрос. Их еще привлекало, что мы очень четко соблюдали принципы методические. В частности, мы жестко следовали правилу анонимности. Они видели, что мы это соблюдаем, и им многое хотелось выразить. И когда они понимали, что им за это ничего не будет, то они очень открыто обо всем говорили и писали. Прежде всего, конечно, писали. У нас была своя методика. У нас была страничка в самом конце, где было написано, что на этой страничке вы можете написать все, что вас волнует, о чем вы хотите сказать. И они там выплескивали на эту страницу гораздо больше информации, чем на все предыдущие вопросы. У нас отдельно велся анализ последних страниц. Мы по каждому исследованию его делали, а исследований тогда было очень много, потому что и ЦК комсомола, и ЦК партии, и вездесущее КГБ очень интересовались всей этой информацией. Это был дополнительный источник информации. Данные, которые были собраны от массы людей по научной методике и систематизированы, как это положено в науке. Значит, выводы тоже были научно обоснованными. Вот этот прикладной аспект социологии и не дал утопить её в свое время.

Черненко: По какой теме Вы писали докторскую диссертацию?

Мансуров: Я писал докторскую работу по социологии личности, личности молодого советского интеллигента¹². Эта работа была закрытая, потому что у меня там целая глава была посвящена различным источникам формирования сознания личности, и там был выделен параграф о зарубежной пропаганде. Это сразу ее закрывало.

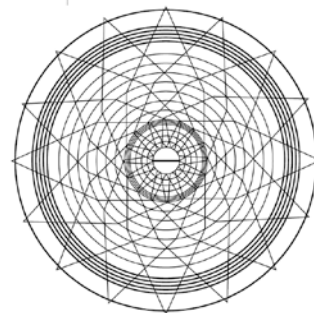
Черненко: Скажите, пожалуйста, я правильно понимаю, что именно Ваша практическая работа в качестве пропагандиста, она в результате обусловила

---

¹² Мансуров В.А. Проблемы развития личности в социалистическом обществе : Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва, 1982.

[Интервью]

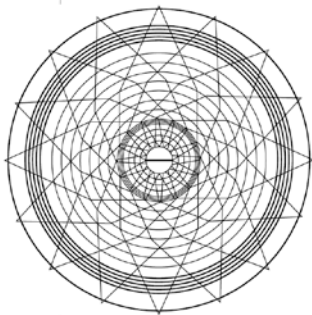
Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

то, что Вы занимались не только социологией массовой коммуникации, но и социологией профессии, социологией молодежи и социологией интеллигенции?

Мансуров: Понимаете, я до сих пор как-то раздваиваюсь, разделяюсь. Через комсомол, конечно, мне ближе всего была социология молодежи. Я очень много работал по этому направлению. И до сих пор состою в 34-м исследовательском комитете Международной социологической ассоциации.¹³ А средства массовой коммуникации, как американцы это называли, - совершенно иной интерес. Здесь речь идет о социально-психологических механизмах пропаганды, то есть специфического общения, где четко есть цели одной стороны и задачи, которые они для себя формируют. И в качестве объекта здесь рассматривается аудитория, на которую пытаются воздействовать. Здесь есть четкие задачи, а аудитория, за редким исключением, не понимает, что она "под прицелом", поскольку профессионально не подготовлена. Практически любой пропагандист – это манипулятор. Он манипулирует сознанием человека, извне вторгается туда. Это очень серьезная вещь. Я иногда современное телевидение смотрю и просто ужасаюсь безграмотности, незнанию, непрофессионализму, потому что они делают то, что делать нельзя. По канонам науки, науки общения. Они совершенно не обращают внимания на интересы самой аудитории. Так нельзя. Почему молодежь вся сбежала от СМИ? Ведь я же читаю многие годы социологию СМИ и общественного мнения как спецкурс. И каждый раз прошу студентов написать через два занятия эссе «Я и СМИ», «СМИ и я» или «СМИ в моей жизни». И вижу, что большинство наших студентов телевидение не смотрит. Радио они вообще не слушают, из печатных СМИ очень редко что-то выбирают.... Ну, девушки что-то про косметику, ребята – про машины, про компьютеры и так далее. А всю информацию политическую о том, что хорошо, что плохо, берут из Интернета. Эта аудитория ушла из СМИ, она пришла туда, где она сама является не только аудиторией, не только объектом, но еще и субъектом. То есть там двойная роль у каждого человека. Он же не просто там получает ответы на какие-то вопросы, но и может сам что-то сделать. Откуда у нас появилась такая армия блогеров? Это люди, которые не могли пробиться в официальные, традиционные СМИ. Они считают, что они вполне могут быть таковыми. И они действительно очень часто показывают, что они лучше, скажем так, оперативнее. И может быть, конечно, они тоже действуют в своих интересах и защищают какую-то точку зрения. Другие защищают другую точку зрения. И на здоровье, как говорится. Пусть они выясняют отношения в этом поле, а не на Майдане или еще где-то. В конце концов человек тем и отличается, что у него есть вторая сигнальная система. И он может ее использовать для того, чтобы как-то разгрузить ситуацию. Так что социология молодежи для меня первая отраслевая, потому что социологии СМИ у нас не было. Пропаганда - от моей

¹³ В структуру Международной социологической ассоциации входят 55 исследовательских комитетов по различным направлениям исследований. 34-й исследовательский комитет называется "Социология молодежи". - Ред.

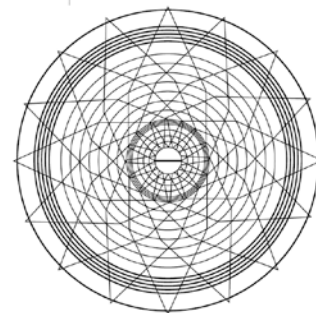
[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

профессиональной деятельности. Потому что когда я уже стал кандидатом наук, меня очень активно стали привлекать к такой системе, как вечерние университеты марксизма-ленинизма. Второе образование, если можно так выразиться. Сейчас так бы сказали. Это очень серьезная система была, там работали очень подготовленные люди. Вот в Кирове, я хорошо помню, по социологии вообще никого не было кроме меня. Там было два философа еще, экономисты. Мы работали с разными аудиториями. Я, например, читал курс и работал со специфической аудиторией руководителей, начиная с главных специалистов, главных инженеров, заместителей директоров и директоров предприятий. Киров – это же город, где оборонка. Под Кировом находится Кирово-Чепецк, город, где есть ведущие предприятия химической промышленности. Там были такие люди, у которых уже все в жизни состоялось, лауреаты, известные люди, великолепные специалисты. И тут им какой-то сосунок (правда, кандидат наук, они-то не кандидаты) начинает рассказывать о социально-психологических механизмах общения в коллективе. То есть это даже не пропаганда, а общение в коллективе. И когда я про это им начал говорить, там висела мертвая тишина. Они сидят и едят. Я, откровенно говоря, боялся, я же их всех знал по комсомольской работе. Там были такие большие комсомольские организации на правах райкома, многотысячные коллективы. И потом они со мной очень тесно общались. Они каждый раз говорили: почему нам никто об этом раньше не рассказывал. Мы же учились, мы же заканчивали вузы. Мы столько работаем, руководим, и нам никто ничего не объяснял. Мы же на своих ошибках учились. Ну, вот, пожалуйста, есть же наука социальная психология, она же везде. Есть общение, разные виды и формы общения. Человек без общения перестает быть человеком, он перестает быть социальным животным, если можно так выразиться. Он просто остается живым организмом. Общение делает его человеком. Для меня это были азы, но для них это было в новинку. И они говорили мне, что вот теперь стали многое понимать. Представляете! Поэтому, когда сейчас происходит то, что происходит в системе нашего высшего образования, когда идет дегуманизация высшего образования, когда сокращаются часы на гуманитарные науки, которые делают человека человеком, спрашивается, на каком основании? Да, они не профильные. Чтобы быть инженером-химиком, не надо знать, что такое человеческое общение. Он должен знать химию. Правильно. Но он ведь будет работать с людьми потом. И эти знания химии он, конечно, будет использовать, но они ведь еще и будут меняться. Сейчас через пять лет надо проходить переподготовку практически по любому такому практическому направлению деятельности. Так что эта практика... Я очень активно ее использовал здесь. А потом, когда я сюда перебрался, меня пригласили заведовать Лабораторией социальной активности молодежи, как она тогда называлась. Поскольку я занимался социологией молодежи, ЦК комсомола тут по старой памяти за меня ходатайствовал. А до меня этой лабораторией заведовал Владимир Ильич Чупров, которого

[Интервью]

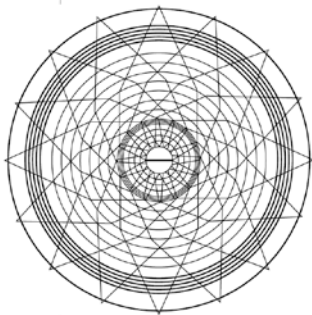
Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

направили на Кубу в составе группы экспертов как раз по формированию молодежной политики. Он мне позвонил и сказал: слушай, сможешь приехать в Москву, если мы тебя пригласим. Я говорю: приглашайте, попробую. С большим трудом, кстати, они меня вырвали, потому что я же был целевик, обком партии меня не отпускал, говорил, что вы еще не отработали¹⁴. Тогда уже потом подключился, видимо, и отдел науки ЦК партии. В конце концов отпустили. То есть я пришел все равно на молодежь. Но поскольку там была такая серьезная задача, как влияние враждебной пропаганды, то у меня тут слились две мои отрасли знаний, и это мне очень помогло. А потом я потихонечку стал уходить от СМИ, от исследований, хотя они везде всегда присутствовали, потому что без этого невозможно ничего исследовать. Всегда должен быть блок «источник информации», откуда человек все это узнает. Тогда я пошел по другому пути. Мы стали молодежь изучать: молодые интеллигенты, то есть молодые специалисты, студенты, учащаяся молодежь.... По группам. И в конце концов, когда здесь в основной части Института был сектор интеллигенции, меня перевели на этот сектор. С тех пор я занимаюсь интеллигенцией, а какое-то время назад мы этот термин перестали использовать и стали заниматься социологией профессии и профессиональных групп, то есть профессиональной структурой. Понятие "интеллигенция" всегда вызывает вопросы. На Западе особенно они не понимают, что это такое, зачем это нужно. Они прекрасно понимают, что такое «профессионал», «специалист». А у нас же интеллигент – не просто профессионал и специалист, это еще какой-то эксперт, человек, мнение которого важно чисто в моральном смысле, то, как он оценивает что-то. То есть интеллигенция – больше этический термин, чем социально-структурный. Поэтому очень сложно бывает исследовать интеллигенцию. Всегда спрашивают, как вы отбираете, почему вы думаете, что он интеллигент. Мы вынуждены идти по формальному пути. Человек с высшим образованием, занимающийся такой-то деятельностью, требующей систематизированного сертифицированного объема знаний. Такой путь я и прошел как исследователь – от молодой интеллигенции к просто интеллигенции, потом вообще к профессиональной структуре и социологии профессии и профессиональных групп. Кстати, это очень серьезная вещь, потому что профессиональные группы имеют свои этические кодексы, свой язык, свои возможности взаимодействия с другими профессиональными группами, свою систему взаимодействия с государственными структурами через свои профессиональные ассоциации. Они сразу создавались, так как их деятельность необходима, востребована, потому что врачи лечат, хранят здоровье, учителя и вообще все, кто связан с образованием, воспитывают, дают профессию в руки. Юристы дают

---

¹⁴ В СССР целевиками называли сотрудников предприятий и организаций, которых направляли на учебу в ведущие университеты на льготных условиях. Целевикам оплачивали расходы, связанные с обучением, включая оплату жилья, транспорта и т.п. Но по окончании обучения они обязаны были вернуться на прежнее место и отработать определенный срок. - Ред.

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

специальные знания для того, чтобы защищаться перед какими-то проблемами. Тут профессиональные структуры очень важная вещь. Об этом еще Питирим Александрович Сорокин писал раньше других. Он говорил, что это имеет примерно ту же ценность, что и социальная структура.

Черненко: Я еще хотела уточнить у Вас. Поскольку Вы писали докторскую диссертацию, где затрагивались проблемы социальной психологии, Вы наверняка были знакомы с Юрием Александровичем Шерковиним.

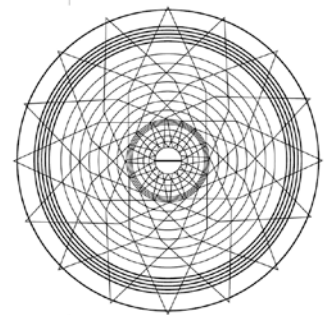
Мансуров: Один раз я с ним встречался лично. А так я знаю его по работам, конечно. У меня на него тоже очень много ссылок было.

Черненко: Если говорить, например, про то, что во время обучения в аспирантуре Вы изучали труды Шрамма, во время работы над докторской диссертацией Вы изучали труды Шерковина, можете ли Вы вспомнить какие-то публикации, которые Вас впечатлили, на Вас повлияли, можете просто выделить их из общего ряда?

Мансуров: Это довольно сложно. Я могу тут ошибаться в названиях. Но у меня до сих пор, например, в моем спецкурсе, в литературе, которая там по СМИ дается, есть два раздела: социология СМИ и социология общественного мнения. У меня там как раз есть ссылки на Шрамма и, по-моему, на Шерковина тоже, потому что они были в числе первых, кто вообще стал писать в этом же ракурсе об эффективности, о механизмах воздействия, восприятия информации, что очень важно. Это же очень важно, чтобы люди знали, как информация к ним попадает. Чтобы это не были распахнутые ворота для всего – кто хочет, тот заходит. Сейчас в мире, который перегружен информацией и средствами доставки информации, где практически все вокруг информация, надо быть очень организованными. Все это упирается в механизмы восприятия, механизмы воздействия. Еще был такой Карл Ховланд, который исследовал и описывал это. Его группа достаточно долго занималась глубокими эмпирическими исследованиями социально-психологического характера. Именно оттуда и пошли выводы о том, что есть односторонняя и двусторонняя информация. Односторонняя – для одного типа аудитории, которой не надо знать вторую точку зрения. Ей нужно говорить только об одном, как будто больше ничего не существует. Это неграмотная, темная аудитория, которая ко мне относится с уважением. То есть я на базе своего авторитета что-то им вбиваю в голову. А есть аудитории, с которыми так нельзя работать. Они сомневаются. Это высокообразованные люди, интеллигенция. Попробуйте, и она сразу же поймет, что на нее давят. Поэтому, работая с ней, нужно обязательно показать, что есть и другая точка зрения. И вместе с этими людьми пытаться разобраться, что это за точки зрения, в чем они не совпадают, что там наиболее важное, главное. И нужно очень тонко, используя механизм убеждения, через подачу каких-то дополнительных сведений, информации,

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

потихонечку вести их за собой к какой-то точке зрения, чтобы в результате они сами сделали вывод, что да, я буду это поддерживать. Когда человек считает, что он сам что-то сделал, он за это биться будет. Его никто уже не собьет. Это защищенный человек. Почему вся эта буржуазная пропаганда с советской пропагандой практически не могла справиться, пока здесь внутри не начали подбивать? Потому что людям давали очень жесткую, даже догматическую систему, которая руководила их восприятием информацией. И когда они сталкивались с информацией противоположной окраски, они ее просто отбрасывали. Они не вникали в суть. Нет, это не наше. Сейчас многие ведь также поступают. Это их спасает в какой-то степени. И Шерковин как раз и писал о таких вещах. Он читал лекционные курсы, у него были учебные пособия для Института общественных наук при ЦК КПСС. Он работал там с иностранцами. Там были представители иностранных компартий, которые приезжали сюда для обучения. Он там читал лекции. Я помню его статьи в одной книге, где он описывал, практически реферировал работы американских исследователей этой системы восприятия. Кстати, Ядов тоже принес нам много информации через такое реферирование. Мы вообще так тогда работали. Называли статьи «критикой буржуазной концепции того-то и того-то». Но ведь чтобы критиковать концепцию, надо ее обязательно изложить. Вот мы и излагали. Так мы делали вклад в систему знаний своей науки. Правда, иногда нам говорили, что мы пропагандируем буржуазные взгляды. Но у нас было объяснение – мы же потом эти взгляды критикуем. Так что когда будете читать работы того периода, обратите внимание, что там везде написано критика, критика, критика, критика. Только с этим можно было публиковаться.

Черненко: Вы сказали, что очень верно заметили, что в какой-то момент просто невозможно стало никак воздействовать на советских людей. По вашим личным ощущениям, в какой момент произошла эта смена, и система начала расшатываться.

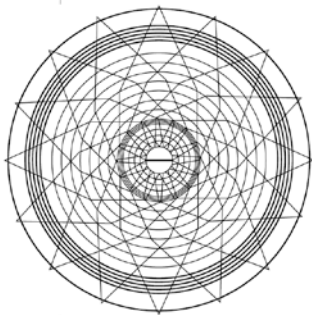
Мансуров: С перестройки Горбачева.

Черненко: А Российское общество социологов было создано когда?

Мансуров: Оно родилось в рамках Советской социологической ассоциации, которая была организована в 1958-м году. Да. РОС - Российское общество социологов - формировалось внутри Советской социологической ассоциации в 1987-1989 годы. Зарегистрировалось в 1989-м году. То есть тогда, когда чувствовалось, что сейчас что-то произойдет.

Черненко: И как ощущалась именно в профессиональном социологическом сообществе эта смена режимов?

Мансуров: Смена парадигмы, так скажем. Она так и ощущалась. Мы же проводили исследования. Кстати говоря, последним нашим исследованием в Советском Союзе был опрос, оставаться в составе СССР или нет. И мы получили

[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

данные, что 70 с лишним процентов выступают за сохранение Советского Союза. Причем и прибалты считали так. Все те, кто сейчас вышел, они все в большинстве своем считали, что Советский Союз нужно сохранять. Однако социология достаточно рано предвидела опасности распада, до всех этих событий всё предвидела. Если сейчас поднять, какие тогда писали аналитические записки, то там все это изложено. Более того, экономисты тоже об этом писали. Наши коллеги из Института экономики тоже предупреждали, что нельзя так без оглядки бросаться. Ведь все сейчас думают, что ничего не надо делать, и все так сразу само собой будет у них. Сразу будет высокий уровень жизни. Ребята, это же ведь на чем-то базироваться должно, на какой-то экономике, на каком-то базисе. А идеи мгновенного вхождения в общий мир, партнерские отношения – это такой идеализм был политический. Горбачев в этом плане, конечно, очень много сделал.

Черненко: То есть я правильно понимаю, что, грубо говоря, предупреждали, говорили, предвидели, писали аналитические записки, и это все равно произошло, потому что...

Мансуров: Потому что политики – это политики. Они работают, исходя из своих представлений. И потом политики, к сожалению, временщики. У них в психологии не заложен страх социальных последствий, они об этом не думают. Вот все наши управленцы, правительство, да и Президент сейчас, к сожалению, тоже так мыслят. Да, они говорят о 2030-х, 2040-х годах и так далее, но это скорее мантра, якобы о будущем. Ведь их действия не направлены на формирование этого будущего. Они в большинстве своем направлены на то, чтобы хоть как-то сохранить то, что есть. Это пожарная команда. А с таким менталитетом, конечно, ни социология, ни вообще науки и не нужны. Надо же до такого додуматься – распустить Академию наук, отдать в управление каким-то бухгалтерам, которые будут оценивать результаты. Из каких интересов исходили? Это что, экономия какая-то? Ведь расходы на Академию наук мизерные, если брать весь бюджет. Это во-первых. А во-вторых, такой ущерб. А сейчас кинулись в наукометрию. Ребята, вы не даете проводить исследования, получать результаты. О чем нам тогда писать? Нам не на что сослаться будет. Советский Союз ругают, но в Советском Союзе наука была великолепная. Она занимала достойное место. Никто не поднимал руку на Академию наук. К ней обращались как к экспертному органу. Ее слушали, хотя решения и принимали все-таки исходя из своих представлений.

Черненко: А Вы проводили исследования в 1992-м, в 1993-м году?

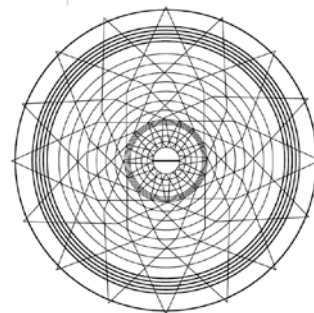
Мансуров: Конечно, исследования шли все время.

Черненко: На какие темы?

[Интервью]

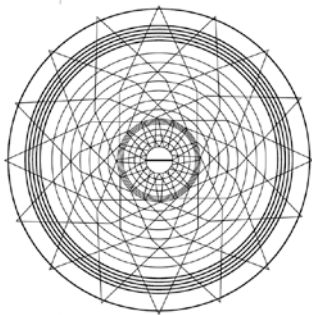
Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

Мансуров: Тогда было очень популярно то, что мы называем опросами общественного мнения. Все, что связано с выборами, определением дальнейшего пути, куда двигаться России. У симпозиумов тех лет были названия вроде «Куда идет Россия?» и так далее. Люди над этим думали, надо было выбрать, куда мы хотим двигаться. Остаемся ли мы, например, как Китай в социалистической парадигме с сохранением такой серьезной роли государственного управления и руководства со стороны такой-то политической силы. Либо мы идем по пути демократии. Но ведь российский менталитет маятниковый. Он не может найти какой-то баланс и сохранять его. Он все время качается от одной крайности к другой. Он все время проскакивает момент, когда нужно остановиться. Нужно просто остановиться. Выбрали уже и теперь двигайтесь. Нет. Не дает эта нестабильность, разная ментальность. У нас еще такая страна, здесь столько культур, столько историй, столько всего. В разных регионах страны у нас совсем разные механизмы общения. У нас и в Советском Союзе совершенно разные были условия и культурные, и исторические. Та же Средняя Азия или Прибалтика – это же полярно разные регионы. Так что управленческие проблемы превалировали. Поэтому тем, кто был на самом верху и принимал стратегические решения, было очень сложно как-то уйти от этой повседневности или выделить какое-то свое ядро, чтобы оно все-таки занималось будущим. Но в Советском Союзе это хотя бы пытались сделать. Планировали пятилетки, на 20 лет вперед.

Черненко: Когда я просматривала список ваших работ, заметила, что очень часто там фигурирует будущее науки, будущее социологии. Как Вы его видите в той ситуации, которая сейчас сложилась? И как президент Российского общества социологов, и как профессионал с многолетним стажем именно в российских условиях.

Мансуров: Прежде всего, я хочу сказать, что я уже двадцатый год президент РОС. Меня избрали после Владимира Александровича Ядова. Я отказывался, но он меня уговорил. Единственным условием было то, чтобы это была полная ответственность, и никто больше на меня не мог влиять, чтобы я сам работал. Конечно, он говорил, давай, я не буду вмешиваться, и другие не будут. Вот так мы и работаем. Этот статус и это положение, конечно, заставляют меня более широко на все смотреть. Я мог бы просто работать в рамках Института, заниматься своей отраслевой социологией, получать гранты и копать потихоньку в этом узеньком сегменте, не выходя за его рамки. Но ситуация не позволяет. Ведь в свое время нам удалось с помощью замминистра образования РСФСР Куцева Геннадия Филипповича в 1990-е годы, когда все реформировалось, ввести социологию в число наук, обязательных для изучения во всех вузах. Обязательными тогда стали философия, иностранный язык, физкультура и социология. Мы доказали, что это важно, что это необходимо. Хотя среди наших людей тоже были скептики. В частности, Ядов сомневался, говорил, что у нас нет столько социологов, чтобы преподавать социологию. С

[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

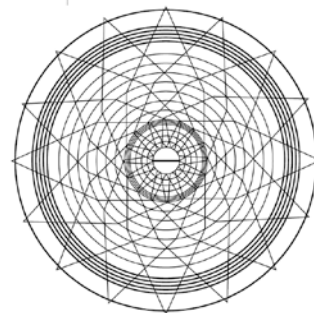
одной стороны, он, конечно, был прав. С другой стороны, если бы этого не было.... У нас, по-моему, было хорошее семилетие, когда везде были кафедры социологии, когда везде читалась социология для всех, так же как философия. Точно так же как, в свое время, всем читались основы марксизма-ленинизма - история партии, политэкономия и философия (диалектический и исторический материализм, научный коммунизм). То есть каждый выпускник высшего учебного заведения при желании мог быть очень хорошо образованным и в этой области. То есть он должен был понимать, как общество развивается, что там происходит, какие проблемы могут быть. В противном случае он не мог быть активным гражданином. Он не мог принимать активное участие в процессах, в которых он ничего не понимает. Люди выходят на улицу, даешь и понеслись. А потом начинают жаловаться, что хуже стало. Так надо же все-таки с пониманием действовать. А потом коллеги из Министерства почему-то решили переиначить все и социологию оттуда вывели. Поэтому сейчас трудно говорить о будущем. Вот мы в феврале этого года провели специальное заседание президиума Российского общества социологов. А перед этим провели большую работу. Мы собрали информацию по ряду вопросов со всей России о том, что происходит с преподаванием, с изучением социологии в наших вузах. Там же два направления есть. Направление, где готовят социологов, и другое. Это проходит под эгидой ФУМО при Министерстве образования и науки РФ.¹⁵ И есть социологическое образование для всех остальных. Так вот, как только социологию выкинули из этой четвертки предметов, тот сектор моментально съёжился. И все перестали преподавать социологию. И не делают этого до сих пор. Мы же этот процесс видели, у нас динамика есть, мы знаем, что происходит. Первое направление от этого тоже пострадало, так как перестал поступать запрос на социологов-преподавателей. И какое после этого может быть будущее. Ситуация такова, что все съезживается, и все идет к тому, что потом вообще ничего не останется. То есть это такая мина даже уже не замедленного действия под общество в целом – уменьшение доли людей, понимающих и могущих понять почему, что и как происходит. Конечно, власти это очень выгодно. Они с этими неграмотными в социологическом плане людьми что хотят, то и делают. С помощью ангажированных, можно даже сказать, продажных, СМИ, потому что там за деньги все сейчас работают. Это же прямая угроза.

---

¹⁵ С 2015 года вопросы содержания вузовского образования рассматриваются в федеральных учебно-методических объединениях (ФУМО) по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки (УГСН) под эгидой Министерства образования и науки РФ. Социология была отнесена к ФУМО по УГСН "Социология и социальная работа". См., напр.: Об утверждении положений о федеральный учебно-методических объединениях в системе высшего образования по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки, относящимся к области образования "Науки об обществе". Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 августа 2016 г. [электронный ресурс]. Режим доступа http://umo.expert/netcat_files/77/116/5._Polozenie_390000.pdf. (Дата обращения 03.10.2017). - Ред.

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

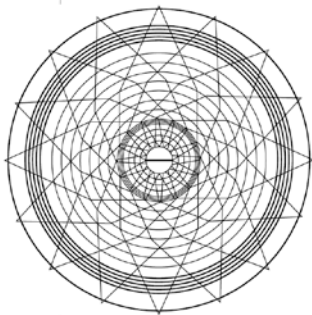
Провокация. И эту провокацию совершает государственный орган под названием Министерство образования и науки. Поэтому когда мы это обсуждали, была очень жесткая дискуссия. Написали открытое письмо, я его подписал, министру Васильевой. Написали, что нас беспокоят такие-то тенденции, что мы будем следить за развитием ситуации и готовы сотрудничать с Министерством или с выделенной им группой экспертов, чтобы совместно найти выход. И убедительно попросили вернуть социологию в число обязательных дисциплин. Мы не просили в этом письме убрать из их числа историю. Она историк по образованию, она не уберет. Но это же парадокс – зачем историю тащить в высшее образование? Ребята же весь цикл исторического знания получили предварительно в общеобразовательной школе. Если они хотят историками быть, они пойдут на историческое отделение, пожалуйста.

Черененко: Это во-первых. Во-вторых, понимать исторические процессы без понимания общества невозможно.

Мансуров: Все это очевидно, а решения принимаются совсем другие. Я понимаю, что ей трудно там сейчас, что она только что пришла. Она больше занимается школой, ЕГЭ. Хотя сейчас у них опять масса конфликтных ситуаций стала возникать. Тут недавно приехал человек из нашего татарстанского отделения социологии. И говорит: слушайте, у нас сейчас очень тяжело, университет признали неэффективным. Это ж надо сообразить, Казанский университет¹⁶, ведущий университет, где Ленин учился, где учился Керенский, признать неэффективным. Там мало обучается иностранцев, видите ли, мало ссылаются на их работы. Так вместо того, чтобы помочь им стать эффективными, они же просто все сокращать будут. Там, правда, сейчас и президент республики возмутился. Такой формальный подход к делам, да еще и в национальной республике. Вот такие перспективы. Пока будет такая неразбериха, пока не будут совершенно четко сформулированы определенные задачи и цели, неизвестно, что делать дальше. Так все и будет. И с социологией тоже, поскольку она все время мешается там. Пишет о том, что это неправильно, что это не соответствует. Люди начинают возмущаться по поводу социологических исследований. Сейчас же их все меньше и меньше публикуют. Раньше это было очень модно, публиковали. Это же путь в никуда. Обязательно нужно видеть, что плохо. Социология в этом помогает, так что ее не надо бояться. Экспертная функция науки сейчас сокращена до минимума. Единственный сегмент, который сейчас достаточно хорошо финансируется, признается и поддерживается, это военный. Это все, что работает на возможную войну. Там хорошо. Но это же прикладная история, это не о будущем. Это опять о сохранении, о защите. И это

---

¹⁶ Имеется в виду Казанский (Приволжский) федеральный университет. Основан в 1804 году и стал третьим университетом в истории России после Санкт-Петербургского и Московского университетов. - Ред.

[Интервью]

Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов

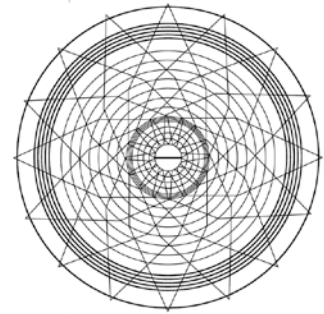
поразительно, потому что раньше многое объяснялось самим менталитетом и составом наших управленцев высшего уровня. Там большинство было инженерами, технарями. У них менталитет соответствующий. Надо было все формулировать очень четко и ясно, поэтому и социологию они плохо воспринимали. А сейчас там вроде одни юристы, наши люди. Должны гуманитариев понимать. Так что представление о будущем очень тревожное. Нет стабильных, четких рамок движения, цели развития. Пока все сводится к выживанию. Понятно, что ссылки на внешнее влияние, конечно, принимаются. Но все-таки, как сказано в философии, развитие происходит в борьбе противоречий. Внутренние противоречия играют ведущую роль в развитии страны. Только разрешение этого противоречия дает возможность системе двигаться дальше. А внешние факторы могут ускорить, замедлить, но направление не могут изменить. Поэтому надо внутри решать, а не ссылаться на то, что кто-то давит, кто-то чего-то не дает, кто-то что-то закрывает и так далее. И я уверен, что многие из тех, кто сейчас нами правит, наверное, эти очевидные вещи знают и понимают. Но, видимо, они в таких условиях находятся, что вынуждены выступать в роли пожарных, работать в стиле ручного управления.

***Черненко:** Тогда я, пожалуй, задам свой последний вопрос. Опять же Ваш личный, экспертный взгляд на то, а вот какие первые маленькие, может быть, постепенные шаги, нужно сделать, чтобы перестать быть пожарными и начать работать на перспективу?*

Мансуров: В принципе, попытки это сделать есть. Выделили какой-то список приоритетных направлений. Каким-то образом увеличивают, например, стипендии студентов, которые поступают на приоритетные специальности. Все эти приоритетные специальности – технические, то есть готовят тех, кто будут обслуживать дальше военную промышленность. Надо быстрее обеспечить кадрами. Вроде бы и правильно думают. Но нет государственного стратегического взгляда, пусть даже спорного. У нас ведь была когда-то стратегическая цель – построение коммунизма. Даже людям объясняли, что это такое, и им это нравилось. Многие в это свято верили и пытались туда двигаться. А сейчас у нас нет системы идеалов. Вот самое страшное. Говорят: что такое идеал? Это что-то невыполнимое. Да, но функция идеала не в том, чтобы что-то реально представить, а в том, чтобы мотивировать людей, ориентировать их. Вот к чему нужно стремиться, делать для этого все, что необходимо. Тогда идеи овладевают массами, и история начинает быстро развиваться. Нет идеалов. У нас были идеалы, и их разрушили. Привнесли чужие идеалы, но они не воспринимаются. У нас же традиционное общество, со своей историей. Здесь такие просторы, такое разнообразие – все это усложняет управление. Поэтому в России стремятся к жесткому управлению. Ведь как можно отдать демократию в понимании Запада всем этим совершенно разноплановым, неравномерно развитым регионам. Ельцин попытался, и получилось чуть ли не гуляй поле.

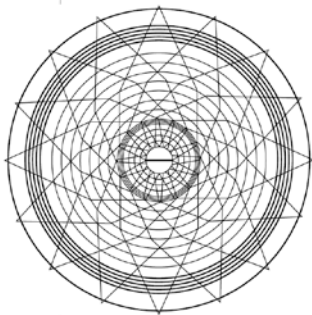
[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

Разные пенсии чуть ли не в каждом городе, разные налоги. Понятно, что нельзя так поступать. Поэтому в России всегда ориентация на жесткую систему власти – без этого держать вместе все это практически невозможно. Это и руководит поведением. Поэтому думают не о стратегии, каких-то отдаленных целях, а о том, как сейчас все это каким-то образом удержать. Тяжелая ситуация, конечно, но не надо быть пессимистами. Социологи никогда не были ни пессимистами, ни оптимистами. Они всегда были реалистами. Они всегда работали с реальностью и знали реальное положение дел. Поэтому их мнение всегда очень реалистично, вот его и надо слушать.

Черненко: Спасибо Вам большое за такую подробную и интересную беседу!

[Интервью]

*Интервью с Мансуровым Валерием Андреевичем
президентом Российского общества социологов*

INTERVIEW WITH VALERIY MANSUROV, PRESIDENT OF THE RUSSIAN SOCIETY OF SOCIOLOGISTS

Interviewer: Chernenko J.

Executive secretary of the academic journal
“Communications. Media. Design”

juchernenko@hse.ru

Abstract:

Valeriy Mansurov is a President of Russian Society of Sociologists and one of the major sociologists in Russia.

In 2017 Valeriy Mansurov celebrated his 80th jubilee, in honour of which our journal prepared an interview about the past, the present and the future of sociology in Russia and beyond.

The International symposium “in Memory of Wilbur Schramm” became a chance to talk with Valeriy Mansurov about the interlinks between the sociology and communication studies, as Schramm was one of the “Founding Fathers” of this academic field in the United States.

In the interview Valeriy Mansurov tells about his way into sociology and the roots of his interest in this science, about the founding of Sociology as the academic field in the USSR, as well as about the founding of Institute of Social Sciences in the USSR and the Russian Society of Sociologists, which he leads from the year of 1998.